

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY OF WORLD WAR I

Проводится анализ немецкоязычной научной литературы о Первой мировой войне на протяжении последних лет. Автор приходит к выводу, что многие из указанных исследований подчеркивают линии развития и преемственность на протяжении всего века мировых войн. Они обращают внимание не только на исторические события, но и на ментальность. Культура воспоминания о войне начала формироваться не только в течение ноября 1918 г., но находила свое выражение еще раньше в сооружении памятников в тылу и на фронте. Первая мировая война изменила восприятие структур времени, сделала возможным ускоренное усвоение актуального исторического опыта, что способствовало трансформации образа будущего.

Ключевые слова: Первая мировая война; историография; история повседневности, историческая антропология, история «снизу», история переживания и воспоминания.

The author analyzes recent German scholarly literature on World War I. He concludes that many of the sources under consideration emphasize the tendencies of development and continuity during the century of world wars. Not only do they focus on historical events but also mentality. The culture of war memory took shape before November 1918 and was reflected in the construction of monuments in the rear and frontline. World War I changed the perception of the structures of time, making a rapid adoption of current historic experience possible, which contributed to the transformation of the image of the future.

Keywords: World War I, historiography; history of everyday life; historical anthropology; history from below; history of experience and memory.

Первая мировая война, начавшаяся сто лет назад, по-прежнему остается Великой войной в исторической памяти и политической культуре бельгийцев, французов, британцев и многих народов Содружества. В России она воспринималась современниками как вторая Отечественная или даже Великая Отечественная только до 1917 г. В советскую эпоху официальный политический язык, идеология, пропаганда и историография именовали ее не иначе как империалистической,

рассматривали почти исключительно как канун революции. Наконец ее вовсе заслонили трагические и героические события 1941–1945 гг., закончившиеся великой победой советского народа над гитлеровской Германией. Поэтому до сих пор в нашей стране Первая мировая – война неизвестная и незначительная. А что в Германии? Там «черное тринадцатилетие» также отодвинуло в тень события 1914–1918 гг., но устойчивый интерес немецких историков к ним никогда не ослабевал. Больше того, в последние годы обильный источниковый материал, который попросту игнорировался представителями традиционной политической и военной истории, дает возможность проведения исследований войны как явления человеческой культуры во многих контекстах: истории повседневности, исторической антропологии, истории «снизу», истории переживания и воспоминания... В этом смысле обращение к проблематике Первой мировой способно дать убедительный конструктивный ответ на призыв О. Г. Эксле перейти от «формальной междисциплинарности» и преодолеть кажущийся (длящийся примерно век) кризис исторической науки путем «раздисциплинирования» традиционных «гуманитарных» предметов и обращения к исторической науке как науке о культуре. Путь, по которому начали движение немецкие коллеги, нам еще предстоит проложить.

Немецкие историки начали заниматься культурно-историческими аспектами мировой войны, прежде всего проблематикой истории памяти и воспоминаний, сравнительно недавно. Решающий импульс таким исследованиям был дан американским историком Дж. Моссе, который привлек внимание к «культу павших» и «мифу военного переживания» [см.: Mosse]. Работы Р. Козеллека, М. Йесмана, С. Брандт и С. Беренбек дают убедительные примеры того, как символы массовой смерти и опыт насилия использовались в Германии в политических целях спустя годы после окончания Первой мировой войны [см.: *Der politische Totenkult*; Behrenbeck; Brandt]. То же можно сказать и об интеллектуальном осмыслении и эстетических интерпретациях военных переживаний учеными, писателями и художниками, особенно теми, кто смог достичь авторитета и влияния «властителей дум» за пределами традиционных элит [см.: *Kultur und Krieg*; Fries]. В последнее время получило развитие исследовательское направление, обращенное к проблематике «военной эсхатологии» как неизбежного следствия «священной» войны культур.

Важной остается задача продуктивного синтеза актуальных исследовательских практик – истории повседневности, менталитета, памяти с более традиционными направлениями истории войн и военного дела. По-прежнему ощущается потребность в сравнительно-исторических исследованиях политических, экономических, социальных и интеллектуальных процессов. Удачным примером такого рода является коллективная работа, посвященная сравнению социально-экономической и демографической ситуации в столицах трех воюющих европейских государств [см.: *Capital Cities at War*].

Чего не хватает немецким исследованиям мировой войны, так это общепринятого понятия, которое способно связать разнообразные направления исследований. Адаптированный англосаксонскими и французскими историками термин «культурная история войны» привлекателен из-за его международных коннотаций, однако его восприятие немецкими историками сопряжено с проблемами. «История культуры» кажется перегруженной исторически, поиски корней этого понятия возвращают в глубины немецкой философии и духовной истории XIX столетия. Кроме того, термин «культура» в сочетании с Первой мировой войной неизбежно отсылает к проблеме формирования идеи «особого пути», которая служила обоснованием претензий на политическое и общественное превосходство немцев над другими нациями уже до 1914 г. [см.: Sontheimer; Beßlich; Von Ungern-Sternberg]. Потребовалась следующая, еще более ужасная война, чтобы вывести из употребления это подчеркнуто ориентированное против запада представление о немецкой «культуре».

Культурная история войны, представляющая собой по сравнению с другими гуманитарными и социальными науками открытый концепт, тем не менее, имеет хорошую перспективу с точки зрения выбора как объекта исследования, так и субъекта – саморефлексии историописания. Исследования культурной истории Первой мировой войны, имеющие выраженный междисциплинарный характер, создают для этого хорошие предпосылки.

Сегодня появляется возможность свести промежуточный баланс состояния исторических исследований, посвященных Первой мировой войне. Вплоть до 1960-х гг. интересы исследователей были обращены к традиционной политической истории, затем они сместились в сторону социально-исторических проблем. В последние пятнадцать лет доминируют исследования, которые посвящены историческому опыту или представлениям о войне. Тем временем возникло совершенно самостоятельное исследовательское поле, в котором сходятся социально-исторические и культурно-исторические аспекты. Множество методов, тем и концепций показывает, что военная история развивается в русле всего исторического знания, хотя может возникнуть впечатление о размывании ее предметных границ и утрате исследовательского фокуса [см.: Perspektiven der Militärgeschichte]. Тем не менее, преобладающую тенденцию к расширению тематического и методического пространства следует рассматривать в качестве достоинства, даже если она затрудняет возможность ориентироваться во множестве разнообразных публикаций.

Сегодня академический интерес к Первой мировой войне все больше смыкается с общественным. По словам дублинского историка А. Крамера, тема, уже хорошо освоенная и укоренившаяся в исторической памяти британцев, в Германии еще только должна выйти из тени 1933–1945 гг. [см.: Kramer]. То, что эта проблематика уже давно привлекает внимание исследователей, убедительно показывает

коллективный труд немецких авторов «Первая мировая война в популярной культуре воспоминания» [см.: *Der Erste Weltkrieg in der populären Erinnerungskultur*]. На материале литературы, фильмов, экскурсий, реконструкций и музейных экспозиций они описывают механизмы международных культур воспоминания. Даже в этом сборнике столь широкая и сложная тема не получила всестороннего освещения, что еще раз показывает, насколько разнообразные следы эта война оставила в повседневности и в практиках воспоминаний.

Роль средств массовой информации на войне, будь то в тылу или на фронте, уже давно привлекала внимание исследователей. Однако и на этом поле еще существуют значительные пробелы. Работа К. Брокс «Пестрый мир войны» обращает внимание на мотивы иллюстрированных почтовых открыток. Она систематизирует множество сюжетов и открывает этот до сих пор не слишком заметный корпус источников для последующих исследований [см.: Brocks].

Статьи, помещенные в сборнике «Мы победим или падем» освещают некоторые аспекты жизни студенческих объединений в годы Первой мировой войны [см.: «*Wir siegen oder fallen*»]. Они убедительно показывают, что в ходе мобилизации студенты-корпоранты записывались в армию добровольцами чаще всего под влиянием сильного социального давления изнутри своих организаций. Одновременно их массовый уход на фронт ставил корпорации в тяжелое положение из-за нехватки людей. Тем не менее, на протяжении войны поддерживались связи между фронтовиками и их организациями: на фронт отправлялись подарки, газеты, в тыл – многочисленные письма, адресованные товарищам. Некоторые из материалов этого сборника содержат положения и выводы, нуждающиеся в проверке и уточнении. Так, результаты сравнительного исследования С. Левзен о студентах Тюбингена и Кембриджа в 1900–1929 гг. изложены в единственной статье. Настоятельно необходим интенсивный обмен идеями и мнениями, чтобы избежать фрагментарности в подобных исследованиях.

Существенный исследовательский пробел заполняет работа Р. Винкле, посвященная тому, как «благодарность отечества», выраженная в раздаче орденов и почетных знаков, стала объектом специальной исторической дисциплины [см.: Winkle]. Винкле констатирует, что в большинстве случаев фалеристика рассматривает знаки отличия «в отрыве от их носителей», что значительно обедняет подобные исследования [Ibid., S. 18]. Он представляет свой фундированный анализ материального и символического значения Железного креста и отслеживает перемены значения термина «военная честь» в дискурсе и на практике. Сначала награда воспринималась как знак высокого статуса носителя, гарантировала сохранение норм, образцов и иерархии, поддерживала тем самым боевую мощь армии. Однако эта аура разрушалась под воздействием накапливавшегося утомления от продолжавшейся войны и массовых награждений, вследствие чего орденосцы теряли ощущение избранности. В Веймарской республике

многие группы ветеранов выступали за переоценку знаков отличия. Полная тягот повседневная жизнь усиливала претензии на моральное и материальное признание их участия в войне. В этой связи автор выдвигает довольно спорный тезис, что республика не использовала возможность создания своего достойного образа среди бывших солдат. В то же время он убедительно показывает, как национал-социалисты смогли расширить круги своих приверженцев, апеллируя к социальной чести ветеранов.

То, что современная война с использованием передовой военной техники вовсе не была гуманной, как то предполагали некоторые современники накануне 1914 г., доказывали те солдаты, что покидали фронт калеками. Работа С. Киниц «Пострадавшие герои» посвящена истории инвалидов войны [см.: Kienitz]. Она принимает во внимание влияние условий среды в определенных исторических обстоятельствах, описывает воздействие изменений на внешний облик и физические данные человека. На богатом и разнообразном источниковом материале автор дает широкую панораму мнений апологетов и противников войны, медиков и политиков, а также самооценки собственно инвалидов. Тем самым они выступают не только как объект исследования, но и как субъект формирования общественного мнения. Автор характеризует 1914–1923 гг. как время, когда отношение к человеческому телу подвергалось постоянным изменениям. Если в начале войны ранение расценивалось как героическая жертва, то вскоре появление массового количества калек привело к тому, что они оказались на положении маргиналов. Из-за множества видов тяжелых ранений привычные образы героев и жертв должны были неоднократно видоизменяться и приспосабливаться к реальности. Уже после войны бытовало мнение, что настоящими героями могут считаться лишь те ветераны, кто превозмог нанесенный здоровью ущерб и смог продолжить трудовую деятельность. На такую модель поведения указывает и выдающийся философ современности П. Слотердайк: «Инвалидность может быть истолкована как школа воли» [Sloterdijk, S. 74]. Многочисленные специалисты – медики и техники – стремились реконструировать тело инвалида при помощи протезов. Киниц указывает, что, помимо социализации, это способствовало также восстановлению утраченной идентичности: мужчины и здорового человека. Противоречие между материальной непрерывностью и дискурсивной переменностью с особой силой проявилось после войны, когда инвалиды стали «аутсайдерами». В целом труд Киниц представляет собой опыт создания фундаментальной культурной истории инвалидов войны, который может быть прочитан как тягостное изображение утраты смысла социального существования «человеческих руин».

В последние годы интенсифицировались исследования исторического опыта насилия, оккупации и плена. В 2010 г. увидел свет сборник статей «Держаться до конца! Война и общество в сравнении.

1914–1918» под редакцией А. Бауэркемпфера и Э. Жюльен. Он целиком посвящен исследованию Первой мировой войны в контексте истории культуры, в том числе культуры воспоминания [см.: Durchhalten!]. Постановке проблемы посвящен весь первый раздел книги, озаглавленный «Исходный вопрос: принуждение или согласие как мотив продолжения борьбы». Среди прочего он содержит программную статью Г. Кишфельда и Г. Крумайха «Для чего “культурная история” Первой мировой войны?».

Снова и снова авторы обращаются к вопросам о природе и механизмах насилия на войне, особенно по отношению к мирному населению. А. Хольцер в своей работе с образным названием «Улыбка палачей» доказывает, что репрессии против некомбатантов ни в коем случае не были результатом «досадных упущений», «промахов» или «единичных преступных намерений», но скорее в большей степени отражали «оборотную сторону официальной войны». Он даже выдвигает тезис о том, что на территории Восточной и Юго-Восточной Европы имела место настоящая война против гражданского населения, а систематические репрессии были «центральной частью военной стратегии» [Holzer, 12]. О масштабах, мотивах и механизмах военного насилия на этих театрах военных действий известно еще слишком мало, чтобы безоговорочно принять точку зрения автора. Для объективной оценки необходимы новые исследовательские усилия в синхронном и диахронном сравнении.

Только в 2013 г. увидел свет сборник статей «Оккупированные, интернированные, депортированные», представляющий собой первую попытку сравнительного исследования взаимоотношений между властями и гражданским населением на прифронтовых территориях Восточной Европы [см.: Besetzt]. Особое внимание уделено судьбе немцев, евреев, поляков и украинцев. Редакторы сборника справедливо отмечают, что во многих смыслах Восточный фронт Первой мировой войны – до сих пор пасынок историографии, и видят свою задачу в объединении разрозненных единичных исследований, чтобы в первую очередь привлечь внимание историков к недостаточно разработанным проблемам влияния войны на гражданское население [Ibid., S. 12, 20].

Вопросам военной оккупации на примере Румынии посвящена диссертация Л. Майерхофер, защищенная в 2010 г. [см.: Mayerhofer]. Оккупационные войска в Румынии тесно сотрудничали с элитами страны и смогли достаточно быстро создать вполне эффективную систему управления, поскольку использовали существовавшие структуры. Показательные по сравнению с другими регионами отличия в оккупационной практике в основе своей имели сугубо прагматические мотивы – ограниченность людских резервов и недостаток ресурсов. При этом знаменательно, что порой сложившиеся представления и политика оккупации противоречили друг другу. Официальные публикации того времени подчеркивали, что германская армия и

гражданские власти в условиях войны открыли и подняли до тех пор никому неведомую страну. Местная администрация при этом ограничивалась мерами по поддержке сельскохозяйственного производства в интересах вооруженных сил. Впрочем, и здесь оккупационная политика сопровождалась принуждением и лишением свободы.

Как обстояло дело на западе? Обширное и насыщенное источниками исследование Й. Тилия «Человеческий резервуар Бельгия» поднимает проблемы взаимодействия не только между оккупантами и оккупированными, но и между фронтом и тылом [см.: Thiel]. Основное внимание автор обращает на использование рабочих рук из оккупированных районов Бельгии в германской военной промышленности. Автор отмечает, что изменившиеся в конце 1916 г. оккупационные порядки привели к тому, что существовавшая сначала практика найма уступила место принудительному труду. Тем не менее, принятые меры потерпели неудачу в основном из-за плохих условий жизни рабочих и международных протестов. После этого и до конца войны оккупанты вновь практиковали только вольный наем.

История лагерей военнопленных в структурно-функциональном отношении достаточно хорошо исследована в трудах недавнего времени, но проблематика, связанная с воздействием плена на человека и общество, особенно в связи с практикой насилия, остается открытой [см.: Hinz]. В этой связи все больше внимание исследователей привлекает практика интернирования гражданских лиц. Современная идеологически нагруженная война национальных государств делала совершенно необходимой изоляцию граждан враждебных государств. В результате еще больше стиралась грань между комбатантами и не-комбатантами.

Работы, посвященные различным формам насилия на войне поднимают принципиальный вопрос о мотивах жестокости, подавления и убийств. Насколько важен при этом социокультурный контекст? Возможно, в ходе войны индустриального общества материальное принуждение также способствовало распространению насильственной практики со стороны государства и армии. При этом нужно помнить и о геополитическом положении центральных держав, ресурсы которых были перенапряжены в связи с блокадой. В такой ситуации и без того выраженная тенденция к применению насилия в оккупированных районах неизбежно усиливалась.

Обращение авторов к периферийным и даже неожиданным темам дает порой замечательные результаты. Исследование П. Таубера «Из окопов на зеленый газон» посвящено теме спорта в годы Первой мировой войны [см.: Tauber]. Благодаря традиции «немецкой» гимнастики, заложенной еще в начале XIX в. «турнфатером» Яном, спорт во время войны распространялся и на фронтах, и в глубоком тылу. Этому во многом способствовал игровой характер спортивных занятий и их включенность в систему военной подготовки. Поначалу солдаты сами организовывали спортивные мероприятия, чтобы отвлечься

от повседневных тягот военной жизни. Лишь с 1917 г. военные власти стали последовательно поддерживать такие инициативы, когда окончательно осознали военное и воспитательное значение спорта.

Вышедший в 2009 г. сборник «Животные на войне» показывает важную роль «друзей человека» в Первой мировой войне [см.: *Tiere im Krieg*]. На этой войне, где постоянно происходили столкновения традиции и новации, животные занимали промежуточное положение. С одной стороны, они были носителями технических новинок, таких как фотоаппараты или средства связи, с другой стороны, оставались классическими боевыми средствами, которые должны были преодолевать разрыв между новшествами и недостатками военных технологий. Таким образом, армии, несмотря на современные средства связи – телефон и радио, не могли отказаться от почтовых голубей. Подвижность европейских армий по-прежнему обеспечивалась в основном лошадьми, да и в последующие десятилетия ситуация коренным образом не изменилась. Поэтому среди утомительных повседневных армейских забот огромное внимание уделялось содержанию лошадей в пригодном состоянии. Многие вопросы относительно роли животных в военной истории остались без ответа. Как, например, влияли на боеспособность такие переносчики инфекций и прочих неприятностей, как крысы и вши?

Н. Волц в монографии «Долгое ожидание» предпринял сравнение психологического опыта немецких и британских морских офицеров [см.: *Wolz*]. Все они жили ожиданием большой морской войны, которая фактически так и не состоялась. Автор показывает большое значение морского флота и его офицерского корпуса в жизни обеих стран в довоенное время. Преувеличенные ожидания моряков от начавшейся войны и их стремление сыграть важную, если не решающую роль в ней после 1914 г. не оправдались. Поскольку до морских боев дело доходило редко, оба флота вынуждены были искать оправдания. Военные опыты офицеров характеризовались переkreщиванием представлений о тыле и фронте с явным перевесом в пользу первого.

Закономерно, что основное внимание историков всегда привлекали сами военные действия. Однако вопросы борьбы и смерти, тактики и военного планирования, сражений и маневров привлекают не слишком большое внимание современных исследователей. Тем не менее, боевое применение военнослужащих стало темой нескольких исследований. В. Метелинг в книге «Честь, единство, порядок» рассматривает участие в войне полков из немецких и французских городов [см.: *Meteling*]. Исследование учитывает не только опыт военных действий на западном фронте, но также и формы военной организации и традиции. Основным источником для автора стали полковые истории, которые возникали уже после окончания войн и сами по себе являются третьим временным рубежом, формирующим интерпретационные модели прошедших событий. Исследование показывает ценность этого вида источников, который содержит обширные

сведения относительно потерь, численности войск, вооружения, использования полков на фронте. Немецкие и французские полковые истории в значительной степени похожи, особенно в повествовании о начале войны, они используют одни и те же клише. При этом победы и поражения образуют центральную разграничительную линию между текстами.

Обе армии после кровопролитных боев 1914 г. испытывали чувствительный недостаток офицеров, для возмещения которого требовалась их ускоренная подготовка. В то же время современная война предъявляла качественно новые требования к облику офицера: стали нужны не отчаянные герои, а профессиональные руководители. Также война принуждала к основательному переучиванию в тактической сфере. Наступательный порыв французской армии после понесенных потерь уступил место более осторожному образу действий. Противники также копировали успешные приемы врага. По крайней мере, на тактическом уровне в войсках явно наблюдался прогресс.

Обретению боевого опыта посвящено исследование Р. Ратса «От массовых атак к тактике штурмовых групп» [см.: Raths]. На основе служебных инструкций он показывает, что способы ведения боя, применявшиеся в годы Первой мировой войны были введены уже в уставы мирного времени. Однако исследование не раскрывает вопроса о том, как именно довоенные предписания адаптировались к условиям фронта. Диссертация К. Штахельбека «Военная эффективность в Первой мировой войне» реконструирует биографию 11-й Баварской пехотной дивизии [см.: Stachelbeck]. На основе официальных и личных источников он восстанавливает те переломные ситуации, которые оказывали влияние на перемены в личном составе, руководстве войсками и тактике. Дивизия представляет «отражение динамичного процесса приспособления и обучения» в германской армии, характеризовавшегося постоянными столкновениями между привычными боевыми приемами и инновациями [Ibid., S. 92]. Командование постоянно стремилось поддерживать сплоченность подразделений смешиванием опытных и неопытных солдат. В результате, по мнению автора, у военнослужащих вплоть до 1918 г. «сохранялась воля к борьбе и стойкость», хотя непрерывные бои и проблемы с пополнением ослабляли дивизию [Ibid., S. 345]. Исследование выполнено в традиционном ключе, но по богатству материала и силе анализа вносит существенный вклад в социальную историю боевых частей.

По вопросу о причинах военного поражения Германии в немецкой историографии по-прежнему определяющей является позиция В. Дайста с его яркой фразой о «скрытой армейской забастовке» [см.: Deist]. По сути, речь идет о том, как фатальное положение 1918 г. сказалось на германских солдатах. В какой степени на разложение войск влияли невыполнение приказов и дезертирство? Какую роль играли политические требования и пропаганда? Историки, по крайней мере, согласны, что грабежи и мародерство происходили преимущественно

не по политическим мотивам, а из элементарных сиюминутных потребностей [см.: Ziemann]. В то же время уже с 1916 г. все больше фронтовиков неодобрительно отзывалось о войне и политической ситуации на родине. Поэтому нужно исходить из того, что солдаты со временем стали также поддерживать политические требования.

Сложность ситуации второй половины 1918 г. невозможно понять, исходя из односторонних указаний на действия определенных групп, истощение жизненных сил, желание мира или политизации. Дело осложняет и очевидный дефицит источников из-за многочисленных потерь документов при отступлении и из-за их уничтожения в напряженной политической атмосфере. Уровень знаний о событиях 1918 г. до сих пор следует признать не вполне удовлетворительным.

Многие авторы подчеркивают значение официальных и неофициальных военных сообщений. Исследование коммуникативных процессов, следовательно, может существенно расширить представления об обществе на войне. Практически первым опытом такого рода стала монография Ф. Альтенхенера «Коммуникация и контроль» – сравнительный анализ распространения слухов в Берлине и Лондоне в 1914–1918 гг. [см.: Altenhöner]. Автор сравнивает государственные приемы цензуры и надзора, причем делает вывод, что у прессы на острове было больше свободы. В качестве соучастников формирования, распространения и восприятия слухов он называет государство, общество и средства массовой информации. Слухи могли придавать особый смысл событиям и компенсировали дефицит информации. Под их влиянием возникало устойчивое сомнение в правдивости прессы. Это было связано – в Германии больше, чем в Британии – с потерей доверия к государству и угрожало положению правящих кругов. Общественная интеграция, либерализм, легитимация, а также победа и поражение оказывались решающими факторами, определявшими успех или неудачу предпринятых государством усилий.

Экскурс в отдельные исследовательские поля позволяет подвести некоторые итоги и наметить насущные исследовательские перспективы. Казавшийся еще несколько лет назад неиссякаемым поток обзорных работ по истории Первой мировой войны на сегодня, очевидно, иссяк. Такое положение дел объясняется, скорее всего, тем, что авторы и издатели взяли паузу накануне грядущей даты – столетия начала Великой войны, когда подобная литература будет более чем востребована. При этом уже появилось несколько публикаций, в которых предприняты попытки объединения нескольких основных тем и подходов. Подобный удачный опыт представляет собой монография С. Найтцель «Мировая война и революция» [см.: Neitzel]. Заданные ею установки обусловили необходимость концентрации на политической истории войны, в рамках которой рассматривается и революция. Более того, автор стремится преодолеть традиционное для последних десятилетий представление о том, что 1918 г. имел характер

цезуры. Естественно, что социально-исторические и культурно-исторические темы в данном случае отходят на задний план.

Изданная Г. Хиршфельдом, Г. Крумайх и И. Ренц в сотрудничестве с М. Пельманом «Энциклопедия Первой мировой войны» служит хорошим подтверждением наметившейся перспективной тенденции привлекать к подготовке справочных изданий специалистов из разных стран, научных школ и направлений, чтобы, по словам издателей, «поддерживать непосредственное взаимное общение исследователей мировой войны вопреки различиям и дифференциации исследовательских подходов» [см.: *Enzyklopädie Erster Weltkrieg*]. Том, насчитывающий 1 058 страниц готовили более чем 140 авторов. Он содержит не только традиционный словарный раздел, но и обзорные статьи по четырем рубрикам: «Государство», «Общество», «Ход войны», «Историография», хронику, иллюстрации, карты и обширные указатели. При этом отдельные статьи по-разному учитывают необходимость общей сравнительно-исторической перспективы.

В представленных исследованиях прослеживается тенденция к преодолению разрыва между историей культуры и социальной историей, дискурсом и практикой, репрезентацией и материальностью, событиями и структурами. Пока эти стремления концентрируются на глубоким тыле, история фронта еще должна быть рассмотрена по-новому. Появляющиеся работы по истории военного опыта близки к тому, чтобы интегрировать оба подхода. Они открыты постановке таких исследовательских вопросов, как, например, история насилия, гендерные исследования и пр. Историография преодолевает традицию, которая оставляла большинству участников войны пассивную жертвенную роль. Смена исследовательского фокуса позволила солдатам или штатским выступать в качестве субъектов, которые, оказавшись на войне в ситуации многообразных возможностей, активно стремятся отвечать на вызовы времени. История насилия, таким образом, приближается к солдатам и может ставить такие вопросы, как сам процесс убийства, самосознание убийцы, использование опыта насилия. В истории тела и сознания внимание может сместиться с проблем страдания, увечий или военных неврозов к проблематике выработки иммунитета. Военная тренировка, гигиена или профилактика болезней могут считаться подготовительными приемами, при помощи которых солдаты могли справиться с будущими неприятностями или опасностями.

Многие из указанных исследований не ограничиваются только годами войны, а подчеркивают линии развития и преемственность на протяжении всего века мировых войн. Они обращают внимание не только на исторические события, но и на ментальность. Необходимо точнее определить влияние мировоззренческих установок или социальных отклонений военных лет на мирные годы. Культура воспоминания о войне формировалась, к примеру, не только в течение бурных дней ноября 1918 г., а находила выражение еще раньше в сооружении памятников в тылу и на фронте. Арсенал форм монументов

и надгробных речей в полной мере использовался после окончания войны. Изменилось даже восприятие структур времени. Первая мировая война сделала возможным ускоренное усвоение актуального исторического опыта и способствовала трансформации образа будущего.

Altenhöner F. Kommunikation und Kontrolle. Gerüchte und städtische Öffentlichkeiten in Berlin und London 1914/1918. München : Oldenbourg, 2008. 375 S.

Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945. Vierow : SH-Verlag, 1996. 688 S.

Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die deutsche, jüdische und ukrainische Zivilbevölkerung im östlichen Europa / Hrsg. v. A. Eisfeld, G. Hausmann, D. Neutatz. Essen : Klartext, 2013. 384 S.

Beflich B. Wege in den „Kulturkrieg“. Zivilisationskritik in Deutschland 1890–1914. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2000. 416 S.

Brandt S. Vom Kriegsschauplatz zum Gedächtnisraum. Die Westfront 1914–1940. Baden-Baden : Nomos, 2000. 267 S.

Brocks C. Die bunte Welt des Krieges. Bildpostkarten aus dem Ersten Weltkrieg 1914–1918. Essen : Klartext, 2008. 294 S.

Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. 622 p.

Deist W. Verdeckter Militärstreik im Kriegsjahr 1918? // Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten / Hrsg. v. W. Wette. München : Piper, 1992. S. 146–167.

Durchhalten! Krieg und Gesellschaft im Vergleich 1914–1918 / Hrsg. v. A. Bauerkämper, E. Julien. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 285 S.

Enzyklopädie Erster Weltkrieg. Aktualisierte und erweiterte Studienausgabe. Paderborn : Schöningh UTB, 2009. 1060 S.

Der Erste Weltkrieg in der populären Erinnerungskultur / Hrsg. v. B. Korte, S. Paletschek, W. Hochbruck. Essen : Klartext, 2008. 222 S.

Fries H. Die große Katharsis. Der Erste Weltkrieg in der Sicht deutscher Dichter und Gelehrter. In 2 Bde. Bd. 1. Die Kriegsbegeisterung von 1914: Ursprünge – Denkweisen – Auflösung. Konstanz : Verlag am Hockgraben. 1994. 277 S. Bd. 2. Euphorie, Entsetzen, Widerspruch: die Schriftsteller 1914–1918, 1995. 318 S.

Hinz U. Gefangen im Großen Krieg. Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921. Essen : Klartext, 2006. 392 S.

Holzer A. Das Lächeln der Henker. Der unbekannte Krieg gegen die Zivilbevölkerung 1914–1918. Darmstadt: Primus, 2008. 244 S.

Kienitz S. Beschädigte Helden. Kriegsinvalidität und Körperbilder 1914–1923. Paderborn : Schöningh, 2008. 381 S.

Kramer A. The First World War and German Memory // Untold War. New Perspectives in First World War Studies. Leiden ; Boston : Brill, 2008. S. 385–415.

Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg / Hrsg. v. W. J. Mommsen. München : Oldenbourg, 1996. 282 S.

Mayerhofer L. Zwischen Freund und Feind – Deutsche Besatzung in Rumänien 1916–1918. München : Martin Meidenbauer Verlag, 2010. 412 S.

Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung. Preussische und französische Städte und ihre Regimenter im Krieg 1870/71 und 1914–19. Baden-Baden : Nomos, 2010. 474 S.

Mosse G. L. Gefallen für das Vaterland. Nationales Heldentum und namenloses Sterben. Stuttgart : Klett-Cotta, 1993. 311 S.

Neitzel S. Weltkrieg und Revolution 1914–1918/19. Berlin : be.bra Verlag, 2008. 208 S.

Perspektiven der Militärgeschichte. Raum, Gewalt und Repräsentation in historischer Forschung und Bildung / Hrsg. v. J. Echternkamp, W. Schmidt, T. Vogel. München : Oldenbourg, 2010. 404 S.

Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / Hrsg. v. R. Koselleck, M. Jeismann. München : Fink, 1994. 440 S.

Raths R. Vom Massensturm zur Stoßtrupptaktik. Die deutsche Landkriegstaktik im Spiegel von Dienstvorschriften und Publizistik 1906 bis 1918. Freiburg : Rombach, 2009. 253 S.

Sloterdijk P. Du mußt dein Leben ändern. Über Anthropotechnik. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2009. 723 S.

Sonthheimer K. Ein deutscher „Sonderweg“? // Die Identität der Deutschen / Hrsg. v. W. Weidenfeld. Bonn : Hanser, 1983. S. 324–335.

Stachelbeck C. Militärische Effektivität im Ersten Weltkrieg. Die 11. Bayerische Infanteriedivision 1915 bis 1918. Paderborn : Schöningh, 2010. 427 S.

Tauber P. Vom Schützengraben auf den grünen Rasen. Der Erste Weltkrieg und die Entwicklung des Sports in Deutschland. Berlin ; Münster : Lit, 2008. 490 S.

Thiel J. „Menschenbassin Belgien“. Anwerbung, Deportation und Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg. Essen : Klartext, 2007. 426 S.

Tiere im Krieg. Von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. v. R. Pöppinghege. Paderborn : Schöningh, 2009. 280 S.

Von Ungern-Sternberg W. Der Aufruf „An die Kulturwelt“. Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg (mit einer Dokumentation). Stuttgart : Steiner, 1996. 247 S.

Winkle R. Der Dank des Vaterlandes. Eine Symbolgeschichte des Eisernen Kreuzes 1914 bis 1936. Essen : Klartext, 2007. 416 S.

«Wir siegen oder fallen». Deutsche Studenten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. v. M. Zirlewagen. Köln : SH-Verlag, 2008. 453 S.

Wolz N. Das lange Warten. Kriegserfahrungen deutscher und britischer Seeoffiziere 1914 bis 1918. Paderborn : Schöningh, 2008. 519 S.

Ziemann B. Enttäuschte Erwartung und kollektive Erschöpfung. Die deutschen Soldaten an der Westfront 1918 auf dem Weg zur Revolution // Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hrsg. v. J. Duppler, G. P. Groß. München : Oldenbourg, 1999. S. 165–182.

The article was submitted on 25.12.2013

Николай Николаевич Баранов,
д. и. н.
Россия, Екатеринбург
Уральский федеральный
университет
baranov61@mail.ru

Nikolai Baranov, dr.
Russia, Yekaterinburg
Ural Federal University
baranov61@mail.ru